

Владимир Соболев

КАВКАЗСКАЯ СЛАВА РОССИИ

ЧЕРНЫЙ
ГУСАР

Москва
Издательство АСТ

 АСТРЕЛЬ СПб

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
С54

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Соболь, Владимир.
С54 Кавказская слава России. Черный гусар : [роман] / Владимир Соболь. — Москва : Издательство АСТ : Астрель-СПб, 2024. — 384 с.

ISBN 978-5-17-167679-7

Он родился на Кавказе и там убил своего первого врага. Но всю свою жизнь он посвятил служению Российской империи. Он присягал императору Павлу, императору Александру и императору Николаю. Он сражался с турками, французами и персами. Он усмирал Кавказ вместе с генералом Ермоловым. Никто из современников не мог сравниться с ним в храбрости. И он заслуженно занял место среди величайших героев России. Его портрет кисти Джорджа Доу по праву занимает одно из центральных мест в Военной галерее Эрмитажа.

«Черный гусар» — первая книга цикла Владимира Соболя «Воздаяние храбрости». В центре внимания писателя — генерал-лейтенант князь Валериан Мадатов. «Человек храбрости беспримерной», как отзывались о нем современники.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-167679-7 © Владимир Соболь, текст, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

*АВТОР СЕРДЕЧНО БЛАГОДАРИТ
АЛЕКСАНДРА МАЗИНА
И ОЛЬГУ МИКЛУХО-МАКЛАЙ*

ПРОЛОГ

Генерал-майор Яков Петрович Кульнев слыл одним из храбрейших кавалерийских начальников. Сражался с турками, поляками, французами, шведами. Служил у Суворова, Кутузова, Багратиона. Теперь снова вернулся к Дунаю, перешел знаменитую реку вместе с армией генерала Каменского 2-го. Но, где бы ни воевал, числил себя прежде всего гусаром. А потому, отдавая приказ, смотрел прямо, говорил зычно и весело.

— Слышал я о тебе, ротмистр, слышал. Ну, а расслушал ли ты меня, храбрец-молодец? Так, значит, исполняй, да живее. Помни — твое дело не шуметь, а узнать, привезти, доложить. Усы, гусары черные, не крутить, саблями не греметь, порохом не дымить! Чтобы ты все видел, а тебя, Мадатов, никто!..

Русская армия уже почти месяц осаждала турецкую крепость Шумлу. Город запирали проход через Балканы. Казалось, взять его — и дорога на Константинополь уже открыта. Но и великий визирь собрал здесь мощный кулак тысяч в сорок, усилил гарнизон янычарами, отрядами спаги, новыми войсками низам-и джедид, устроенными на манер европейских.

Турки, отличные воины и инженеры, особенно ловко умели защищать ими самими же выстроенные крепости. Раздавить эти орешки всегда представлялось делом нешуточным. Вот и сейчас, в июне 1810 года, уже второй день пехотные дивизии генералов Левиза и Сабанеева безуспешно штурмовали высоты у северных стен Шумлы. Гремела артиллерия, трещали ружейные выстрелы. А кавалерия — уланы, драгуны, даже гусары с казаками — стояла в третьей линии, сознавая свою беспомощность ввиду редутов, флешей, рвов, высоких каменных стен.

Но Кульнев, объехав позиции, обеспокоился легко, что подходил к флангу центрального корпуса армии. На месте турок он бы сам решился на смелую диверсию — вывести тайком через западные ворота несколько тысяч всадников, просочиться незаметно вдоль подошвы холмов, между деревьев, обойти атакующие войска русских и навалиться на тех, кто только еще готовился к приступу.

Подскакав к александрийским гусарам, он еще более уверился, что его опасения не напрасны. Полковник Ланской, сам отчаянный рубака, не дожидаясь генеральских вопросов, первый заговорил о возможной атаке турок на наши тылы. И Кульнев попросил его послать расторопного офицера разведать, что и кто может укрываться там, за деревьями. Разузнать, высмотреть, доложить, а если получится, то и привезти с собой «языка».

Из своих «чернецов» — черными гусарами называли александрийцев по цвету формы — Ланской выбрал Валериана Мадатова, командира первого эскадрона. Ротмистр недавно перешел в полк, но до

этого больше года воевал капитаном егерской роты и показал себя офицером храбрым и умным.

Мадатов выслушал приказ и отправился исполнять, взяв с собой взвод под командой унтер-офицера и еще вахмистра эскадрона. Фома Чернявский в любом деле один стоил десятка гусар, а иногда, может, и двух.

Карабины ротмистр велел оставить на месте. Стрелять, скорей всего, не придется, а тяжесть и помеха будет изрядная. На всякий же случай хватит и двух пистолетов в седельных кобурах — ольстрах. Да и те, указал командир, зарядить, но палить только по ясно слышанной и четко понятой команде, иначе...

Что ожидает слушников, наглядно без слов объяснил здоровенный вахмистр.

До леса они добрались довольно скоро, а дальше двинулись осторожно, не торопясь, прислушиваясь и оглядываясь. Унтер Олейников, уже пожилой, лет сорока с лишком, но еще бравый гусар, повел своих людей узкой лесной дорогой, а Фома и Мадатов, взяв по паре лучших наездников, поехали каждый своей стороной, забираясь поглубже.

Лес был негустой, невысокий, светлый и на удивление тихий. Даже птицы боялись перекликаться, прислушиваясь к пушечным выстрелам, долетавшим за две версты, от той самой горы, на которую пытались забраться дивизии первого корпуса. То и дело к тяжелому буханью артиллерии подмешивались ружейные залпы.

Мадатов спокойно отводил упругие ветки деревьев, отцеплял от вальтрапа колючие стебли кустарника, морщился, услышав, как трещит под копытами сухая древесина валежника.

Ехавший слева гусар вдруг поднял руку и натянул поводья. Валериан тоже остановил своего коня Проба, прислушался. Ветер, прокатившийся меж стволами, донес звучание странной речи. Мадатову даже показалось, что он разбирает слова. Доподлинно он был уверен в одном — говорили не русские.

Подождали, но голоса смолкли, или же просто причудились. Мадатов вытащил саблю, опустил попереки седла и послал коня сделать еще пару шагов. И в эту секунду на него бросились сразу двое.

Первый прыгнул сверху, и его Валериан встретил острием сабли. Второй проскользнул под брюхо мерину, и Мадатов почувствовал, как страшно вздрогнул Проб, услышал его тоскливое ржание. Но он и сам уже падал с седла, не выдержав тяжести нападающего. Наточенное лезвие прошло турка насквозь, но и умирая он пытался схватить русского офицера за горло, добраться до врага ногтями или зубами.

Валериан ударился спиной о землю, попав плечом прямо на корень, и от резкой боли у него перехватило дыхание. А тут еще на ноги навалилась невыносимая тяжесть, и он подумал, что больше ему уже не перетерпеть...

— Ваше благородие, живы?

Две руки тащили его за плечи, помогая выбраться из-под бившейся лошади. Мадатов поднялся на ноги, огляделся. Проб лежал на левом боку, задирая голову, рыл копытами дерн, оставляя широкие борозды. Рядом, лицом вниз, валялся мертвый турок в рубахе и шароварах: по белой его спине расплывалось малиновое пятно, меняя на глазах цвет на бурый.

Вот как, подумал Валериан, теперь, значит, еще и саблей. Он уже убивал людей ножом, пулей, нескольких принял на штык, когда в жарком деле случалось вести егерей в рукопашную, но убитого гусарским оружием он увидел так близко впервые. И почему-то он вспомнил перса, которого застрелил еще юношей, лет пятнадцать тому назад и за тысячи верст отсюда...

Ущелье поднималось достаточно круто, кони шли шагом, словно подстраиваясь под пеших. Женщины, держа на головах тюки, задыхаясь, спешили вперед и вверх, тащили за руки ребятишек. Мрачные мужчины в грязных, рваных одеждах поднимались налегке, но держали в руках самодельные пики — едва окоренные стволики молодых деревьев с примотанными к ним ножами. Некоторые заткнули за пояс и топоры на длинной, почти метровой рукояти: хорошее орудие в лесу, но едва ли годное против сарбазов страшного Ага-Мохаммеда.

Шах Персии снова пришел в Карабах, и на этот раз ханство подчинилось ему без боя. Люди племени Джеваншир ускакали в Дагестан, где Ибрагимхан надеялся укрыться под защитой тестя. А население пяти армянских гаваров решило подняться в горы, отсидеться у снеговых шапок. Что делать армии «Льва Ирана» в пустынных и холодных лесах? Солдатам остались брошенные деревни и красавица Шуша, «Великая девственница Арцаха», как прозвали молодую крепость ее соседи. Никогда еще вражеское войско не входило за ее стены. И если б не голод, обескровивший эти земли, Ага-Мохаммед снова лишь потерял бы время в осаде и солдат на бессмысленных приступах.

Но нынче всем приходилось спасаться. Пушная же опасность грозила жителям гавара Варанда, на чьей земле и стояла крепость. Мелик¹ Варанды — Джимшид Шахназаров — отважно сражался на стенах Шуши, и мстительный Ага-Мохаммед объявил его своим личным врагом. Теперь он послал по его следу сотни всадников упрямого и отважного Саддык-хана.

— Он будет тянуться за нами, пока в воздухе висит запах нашего следа, — бросил Джимшид племяннику.

Ростом — Мадатов уже почти забыл, что когда-то носил это имя, — ехал у левого стремени мелика. Как и вся небольшая дружина владельца, он был одет в кольчугу и панцирь, вооружен саблей и кремневым ружьем. Горячий пот стекал от шеи вдоль позвоночника, а ведь солнце еще только-только поднималось над правым хребтом. Когда же оно повиснет над ущельем, железо, понимал юноша, начнет обжигать тело.

— Столько пыли висит в воздухе, — ответил он даде, — что она забьет любой запах.

— Эта пыль, — буркнул мелик, — выведет на нас даже слепого.

Ростом обернулся. Серая пелена повисла между отвесными склонами и вряд ли опустится на землю, прежде чем подоспеют преследователи.

— Можно поторопиться, — пробормотал он вполголоса, делая вид, что разговаривает с собой.

Но мелик услышал.

¹ Господин, властитель, старшина (*арабс.*). В Закавказье — князь.

— Караван не может идти быстрее самого медленного верблюда, — бросил он раздраженно. — Ты хочешь скакать вперед? Торопись, мальчик, спасайся! А как же я брошу людей, доверивших мне свои жизни? Даже если они умеют только копать пересохшую землю и подставлять свои спины под персидские и турецкие плетки.

Пристыженный Ростом пригнул голову и еще придержал коня, чтобы его не заподозрили в робости. Несколько сотен семей бежали с ними из Чинахчи, две тысячи пеших надеялись уйти от персов под защитой воинов владельца Шахназарова.

Двое всадников догнали мелика. Их доспехи были облеплены серой пылью, так же как лица, лошади и оружие.

— Они приближаются, — негромко сказал первый. — У Саддык-хана хорошие лошади. Мы не успеваем свернуть на тропу, персы догонят нас раньше.

Шахназаров остановился. Сдержал своего коня и Ростом. Он понимал, о чем говорит Торос Наджарян. Все они надеялись подняться по ущелью до узкой тропки, еще круче забиравшей налево в горы. Такое крошечное русло проточил себе в скалах давно уже пересохший ручей, что по нему могла проехать только одна лошадь, и то всаднику лучше было бы закинуть одну ногу на лук. Никто не рискнет преследовать их в этой теснине, но до нее еще нужно успеть добраться.

— Мы задержим их, — сказал мелик. — Чуть дальше ущелье еще сужается, и там мы сможем продержаться достаточно долго. Скачите вперед, скачивайте камни, готовьте укрытия для стрелков.

Увидев, как уезжают дружинники, женщины завывали, но и Шахназаров закричал, крутя над головой саблю:

— Мы принимаем бой! Мужчины гавара Варанда встретят персов в этом ущелье! Кто может и умеет сражаться, останется вместе со мной. Остальные — бегите вверх. Бросайте вещи, они не нужны мертвым!

Он посмотрел на Ростома. Тот понял, что хочет сказать ему дядя, и покачал головой. Джимшид улыбнулся и стиснул плечо юноши крепкой ладонью.

— Твой отец был бы доволен, увидев тебя сегодня...

Ростом стоял на колене за большим валуном, пристроив на камне длинный ствол своего ружья. Конница персов показалась из-за изгиба ущелья. Саддык-хан вел своих людей шагом, уверенный, что добыча и так не выскользнет из-под копыт. Увидев камни, наваленные от склона до склона, он остановился и погнал часть своих людей на барьер, который, казалось, любая лошадь могла бы перепрыгнуть, не особенно затрудняясь. Устроить его повыше воинам Шахназарова не хватило ни материала, ни времени.

Ростом очень хотел бы выцелить самого хана, но тот остался сзади, а на защитников укрепления скакали плотными рядами несколько десятков наездников с обнаженными саблями. Юноша выбрал одного, повыше других, плотно стиснувшего коленями своего рыжего жеребца; стрелка шлема доходила до пышных усов, кольчужная сетка прикрывала вьющиеся волосы. Ростом выцеливал наездника чуть выше седла, в самую середину туловища, как учил его дядя.

Сам Джимшид стал в центре обороны, ждал врага, так же скорчившись, как и его дружинники.

Сто метров осталось... восемьдесят... полсотни...

Высокий перс взвизгнул, и всадники пустили коней галопом.

— Давай! — крикнул Джимшид и выстрелил первым.

Ростом не спеша потянул спусковую скобу, ощутил мощный толчок в плечо и увидел, как перс откидывается назад, выпускает саблю, клонится в сторону, медленно сползая с седла. Он еще переживал эту удачу, как громадная тень накрыла его, и он только успел вскинуть ружье, отводя удар сабли.

Залпом люди Шахназарова смели с седел треть наступавших. Задние шеренги повернули обратно, но десятка полтора удальцов успели перемахнуть барьер. Их зарубили выскочившие конники Наджаряна, которым Шахназаров приказал притаиться выше стрелков.

— Я видел! — крикнул Джимшид племяннику. — Видел! Что, мальчик, — люди с оружием немного страшней, чем ласточки или архары? Заряжай быстрее, не теряй времени. Сейчас они поскачут к нам снова.

Ростом сел, прижимаясь к камню спиной, и быстро начал пропихивать шомполом в ствол заряд, потом пулю. Закончив, снова перевернулся, пристроился, как и в первый раз, ожидая новой атаки. Он знал по разговорам старших, что ему должно быть сейчас страшно до дрожи, но почему-то чувствовал одно любопытство. Увел бы сейчас Саддыхан всадников, он тут же бы побежал искать своего первого мертвого.

Пыль оседала медленно, Ростом плохо видел, что происходит там впереди, но надеялся, что дядя знает, что им делать и чего опасаться.

— Ай-яй! — прокричал сверху молодой дружинник, кого мелик послал вскарабкаться на скалу, чтобы следить за намерениями врага. — Они готовятся! Они снова строятся! Они едут, люди, цельтесь вернее!

Ростом поудобнее перехватил ложе, бросил взгляд вдоль ствола, а потом невольно посмотрел вверх, по склону, заросшему колючим и гибким кустарником, еще выше, еще и еще, где над лесом он мог увидеть снеговую шапку горы Кирс. Или только думал, что мог...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ